

Руслан Кошкин

Руслан Леонидович Кошкин – родился в 1975 году в посёлке Аркуль Вятского края. Живёт и работает в Москве. Стихи автора публиковались во многих центральных и региональных литературных изданиях (антологиях, альманахах, сборниках, журналах, газетах). Автор трёх книг стихов. Член Союза писателей России.

СТЫДОБА

В иные дни, как от утруски,
в иных в ущербе ум и дух.
«Сейчас мне стыдно, что я русский», –
пропел ещё один петух.

Не крикнуть бы, как от пластида,
от ложного стыда тебе!
Что русский ты – мне тоже стыдно.
Содольщик по стыдобе!

ОТСТУПНИКАМ

Плохие вести я несу для вас, панове.
Недолго красоваться вам ещё в обнове –
тактической, с господского плеча.
Широкое открыто перед вами пекло,
и вы сигаете в него освирепело,
открывшего кляня и сволоча́.

Вы – как аммонитяне, амаликитяне
и прочие: небытие вас так и тянет;
всё та же кровожадность, гонор тот.
Вот вам поклонники ваала и молоха.
Для них всё кончилось когда-то очень плохо.
И вас, поганцев новых, то же ждёт.

И тех служителей ваала и астарты
не просто так изжили мировые карты.
Изводится озлобившийся род.
А вы, паны, чего себе «наванговали»?
Ну да, из морока-то вырвешься едва ли,
когда кровавых дел невпроворот.

И те хеттеи, аморреи, хананеи
«во время оно», видно, так осатанели,
что и земля стерпеть их не смогла.
Вот и по вам, панове, злыдни, душегубцы,
давно тоскуют в пекле цепи, плоскогубцы,
трезубцы да кипящая смола.

А вы всё кровью заливаете «ватсапы».
Но не кончаются «проклятые кацапы»,
как ни пыхти заморский господарь.
И вновь мечом своим Творец избрал кого-то
для истребления, а не для укорота
язычников кромешных, как и встарь.

Отступники, клеймённые арийским чёртом!
Самим не жутко ли под солнцем вашим
чёрным –
предвестником народных похорон?
Безумству вашему, паны, предел не виден...
А не опомниться ли вроде ниневитян,
пока не пересёк пути Харон?

ВЕТКА

Разгулялся буйно ветер на юру.
Закачалась ветка ивы на ветру.
Ох, не обломилась бы ты, ветка,
под напором бешеного ветра.

Разгулялась бурей злоба во степу.
Разбрехалась – на язык бы ей типун,
на каком – калякай не калякай –
ветка называется «гилякой».

Разгулялась бурей злоба в черепах.
Раздраконила округу в пух и прах.
Разберись теперь, кто первый вякнул
это: «Москаляку – на гиляку!»

От злодейства нет природе барыша.
Так откуда эта чёрная душа,
что себе для чёрного же дела
наперёд «гиляку» приглядела?!

Исподлобья злобно, хищно и хитро
мир оглядывает чёрное нутро,
и на всё, что в скверне не лежало,
смертоносное наводит жало.

Ох ты, ветка, «гіля», беды без числа!
И зачем же ты на иве проросла?!
Для того ли, чтоб когда-то, ветка,
виселицей стать для человека?!

Где ты, первый звавший вешать и карать?
Вон в степи лежит откликнувшихся рать.
*Бачиш? – на гіляці не людина,
а скажена від злоби країна.*

Если кто-то не скумекал, подмогнём:
злобным словом, камнем, залповым огнём
не швыряйся: прилетит ответка.
Злоба, буря – обломилась ветка.

НЭНЬКА

Кто не знает ещё, народ,
что хохол уже век орёт,
во всю дурь верещит, визжит:
«Москалів – на ножі!»

Больше века уже вопит.
И за то уж не раз побит.
Да помёту, видать, не впрок
прежних лет горевой урок.

Вон – толпа, упыря лютей,
жаждет крови чужих детей,
распалается на резню –
«москалей» потрошить, «русню»:

– За «країну» весь род – под нож!
И младенца на ноль помножь.
Лейся, кровушка ребятни.
«Рідна ньєка», прими, глотни.

«Нэнька»! Что ж это за дела?!
Ты кого это родила?
Вон один такой из толпы –
сосунок, а уже упырь.

Ну а «нэнька» – как есть, в дыму,
мутный взор обратит к нему,
долго зрит, как дурит бандит,
и такое в сердцах гундит:

*«Що ж робити з тобою, синку,
щоб не вбив ти чужу дитинку?
Що б зробити мені такого,
щоб ти вбити не зміг нікого?»*

Всё глядит на дурной помёт
и что делать с ним – не поймёт.
А припомнит былой залёт –
и кровавые слёзы льёт.

ДО НЭБА

1

Ласковые дяди, радушные дяди
пошли к мальчонке, наивность
во взгляде,
угостили щедро съестным из буфета:
«Вот тебе печенька, а вот и конфета».
Не жалели дяди хвалебного слова.
Интересовались, где дом у малого,
где его родители спины горбатят
и когда не дома маманя и батя.
Спрашивали – шарили будто рукою:
есть ли у родителей то и другое,
кем ещё их славная хата богата.
Отвечал мальчонка про старшего брата.
Обещали дяденьки сказку малому,
если он братишку спровадит из дому,
если пригласит их на чай и на сушки,
поиграть без мамы и папы в игрушки...

2

Подходили взрослые, видные мэны
к удалому хлопцу, что топал со смены,
угощали «правдой», что вовсе не правда,
предлагали «прадство» – без брата,
но с «Prada».

Баяли, мол, можно всё сладить на славу,
только надо братцу устроить подставу.
А резон простой – во-вторых
и во-первых:
потому что братец – по жизни соперник.
Толковали что-то про «славного діда»
и «яка від діда» осталась обида.
Привязались и наущали подолгу,
сбили простачка лопоухого с толку.
Нашептали парубку, что тому «треба»,
подбивали купно «скакати до неба».
Сведущие дяди, вожди-мозгокруты...
Без вертанья вийшло до неба скакнути.

ИЗНЕСЕНИЕ

Это что за облако над нами?
Извыси спустилось и висит
пологом у нас над головами,
как бы проча знаковый визит.

Это что за мóлодец с дозором
к нам из облака того сошёл?
Ликом светел, но тревожен взором,
облачён в сиянье, словно в шёлк.

Это что за пламенные крылья
полыхают за его спиной,
создавая ощущение гриля
на сырой поверхности земной?

Это что за горн (труба, фанфара)
серебрится в шуйце у него?
А в его деснице – горну пара –
что за меч сверкает огневой?

И к чему пытаюсь нас привлечь,
он оставил нам и горн, и меч?

НАСЛЕДНИКИ

Искони на семи мир шатает ветрах,
по земному лицу носит семя и прах.
Народясь, приходили народы сюда.
И потом уходили, порой без следа.
Извергались какие-то с лика земли,
коль её меж собой поделить не могли.
Были разного семени здесь племена.
Кровью ими земля эта осквернена.

Тьмы и тьмы. В толпах, полчищах, ратях
и ордах
сколько было их – вольных, могучих и – гордых!
Как свинтили на вечный заслуженный отдых?
На каких они жарятся нынче курортах?
(То есть там, за чертой, подбирает ли чёрт их?)
Боевых и заносчивых – сколько их было!
Каково им пришлось на своих Фермопилах?
Сколько было таких – бес ли их обморочил? –
что с чего-то себя вознесли выше прочих!
Вот и ныне таких, поглядишь, – неоглядно –
о себе возомнивших какого-то ляда.
Заражённые древней пещерною спесью,
хоть бы что задирают носы к поднебесью.
И при этом, как будто высокое что-то,
мозгечками смакуют мораль готтентота.

Вот и лезет теперь у таких из подкорки:
– Мы – не то что вон эти поганые орки.
Мы-де этих во всём будем краше и выше –
тех, кто рожей, иначе породой, не вышел.
Слава нашей (умывшейся кровью) краине!
Поклянёмся на сале и на кокаине
ей на верность и скверность, смелы и могучи!
За себя, за детей. И за внуков, до кучи.
И да хватят же голодомор и поруха
тех, кто в сале не смыслит ни рыла ни уха!
Слава нам! Слава нашенскому самочинию!
Ну а кто не согласен – мочи его!
Слава нам! – горделиво они голосят,
словно стадо голодных визжит поросят.
Трётся порос о пороса, рыло о рыло.
И кидается стадо свиное с обрыва...

Вновь на Авеля семя оскалилось Каина –
в жажде славы: видать, не по вкусу окраина.
И беснуется племя его окаянное –
тут и злоба, и кривда, и просто кривляние;
и умыт киевлянин в крови киевлянина;
и дешевле свинины теперь «киевлянина».
Чем кичишься-то, семя ты каиново,
семя Каина, племя украиново?
Ведь от самообмана, как от кокаина,
пропадаешь ты пропадом, Украина!

После мора, и труса, и хлада, и глада,
после мрака и жути военного ада,
после всех столкновений, побоищ и бедствий
поле брани кому перейдёт по наследству?
Эти данные свыше земные просторы,
эти реки, моря, эти доли и горы,
вся всемирная ширь, вся Земля, вся планета –
и кому же потом всё останется это?
Сильным? Вольным? Крутым?

Исключительным? Гордым?!
Устремлённым к победам, вершинам, рекордам?
Растворявшимся в общем ярящемся оре?
Обрекавшим себя и подобных на горе?
(Как ни глянь – на злодее злодей, вор на воре.)
Но они ли у Господа в вечном фаворе?
(Да не будет помянут в пустом разговоре.)
На таких ли взирают с небес благосклонно?
Таковым ли земное завещано лоно?
И не будет ли так, что над всяким укромом
вдруг Всевышнего голос раскатится громом,
от которого съёжится гордый и смелый:
– Выходите, наследники, из подземелий,
поднимайтесь из пепла, сходите с распятий,
выбирайтесь из братских могил – для расплаты?
Тише вод, ниже почвопокровных растений –

вот такие и выступают – кротко – из тени,
из-под сени спасительной выйдут – и свыше
приглашением самым особым услышат:
– Время скорби прошло. Вот и вечность веселью!
Принимайте в удел исцелённую Землю.
Мнящий дело своё оборонным и правым,
не забудь же душой уподобиться травам,
напитаться безмолвием вровень с водою.
Укротись – и вступиай в своё право святое.

НОВЫЙ АТТИЛА

1

Их крепости были ему нипочём.
Прошёлся по ним он огнём и мечом.

Когда-то Европа была молода.
Но с веком уходит не только вода.
И гнев был, и Божия милость –
так многое здесь изменилось.

Но есть ещё камни на древних местах,
что знают животный, панический страх,
что помнят несметные силы
и грозное имя Аттилы.

Их крепости были ему нипочём.
Прошёлся по ним он огнём и мечом,
Что стены пред ним?! Что охрана?!
Пустяк на пути урагана!

Аттила! Пред ордами диких племён,
что вёл за собою по Западу он,
дрожали все без исключений –
от римского папы до черни.

2

Был свыше в измене их мир обличён.
С того и явился он Божьим бичом.

Стояла Европы судьба на кону.
Спасения не было впрямь никому
под гуннским жестоким навалом –
ни сирым, ни старым, ни малым.

Но Запад скумекал, что тем обличён,
и в страхе нарёк его Божьим бичом;
и поздно, скорее, чем рано,
но вымолил щит от тирана.

А время себе продолжало идти.
И вновь совратилась Европа с пути,
по злomu чьему-то расчёту
буквально отправившись к чёрту.

Торопится в пекло других поперёд.
И вот уже новый Аттила грядёт
на пустоши правды и веры,
на пажити кривды и скверны.

3

Их каверзы будут ему нипочём.
И явится новым он Божьим бичом.

Суть та же, но лик его будет иным.
И Запад уже не признает вины,
и, тянущийся к преисподней,
не примет направки Господней.

О древние камни дворцов и твердынь!
Готовьтесь к нашествию новой орды,
что станет последним, возможно,
для отчины вашей безбожной.

Стоит на панели она неглиже
и не опасается, видно, уже
ни серных дождей, ни потопа.
Готовься к погрому, Европа!

Вот новый властитель в твои города
идёт и изменит тебя навсегда.
И вот уже в порты и фьорды
заходят несметные орды.

4

Им сети и козни твои нипочём.
За новым идут они Божьим бичом.
Такого не будет второго.
И заступ не будет дарован.

А явится новый на соплах курных.
И вслед за собой приведёт четверых:
усобицу после раскола,
поветрие, холод и голод.

И будет, Европа, такой тебе кнут,
что дети твои же тебя проклянут
за то, и другое, и третье,
за что ты пред ними в ответе.

И спросит – вотще – тебя совесть твоя:
– Чего ты добилась, беспутство твоя?
Какого ты наворотила?..
И смехом зайдётся Аттила.

И станет явившийся Божьим бичом
над миром, который уже обречён.